

НЕ ТОЛЬКО танго... Сменяются мелодии и ритмы вальса-бостона и шимми, чарльстона и тустепа. Возникает на голубом экране целая панорама танцев «ретро», тонко и иронично воссоздавая времена рождения знаменитого «Петера».

Но танго танцуют здесь все. И ослепительный «киногерой» в исполнении Сергея Радченко. И надменная Дива в интерпретации ленинградской молодой балерины Елены Балуевой. И горничная, столь юмористично сыгранная юной солисткой Кировского театра Маргаритой Зензиной. И лакей — грубый ловелас, интриган и подхалим — характер, сатирически очерченный Борисом Надточием.

Чуть больше года минуло после выпуска «Галатеи». И вот на объединении «Лентелефильм» Александр Белинский, Дмитрий Брянцев, Тимур Коган создают новую ленту «Старое танго». Не правда ли, успех очередного совместного произведения во многом предопределен творческим взаимопониманием всей съемочной группы и, главное, пониманием широчайших возможностей Екатерины Максимовой.

Чары «Петера» общеизвестны. Талант Франчески Галь общепризнан. Взаимосвязь своего замысла с кинонаследием авторы не скрывают, даже всячески подчеркивают. Однако там, где речь идет о таланте сильно, масштабном, серьезном, отсту-

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ТАНГО, или ПРЕВРАЩЕНИЯ ПЕТЕРА

пает опасность сравнений. Работу Максимовой соотносишь только с ее собственной индивидуальностью.

Быть может, сами определения «сильный, масштабный, серьезный» покажутся странными близ новой ее героини. Сыграв роль комедиантку, она действует и танцует с неподражаемой серьезностью — той самой, что порождает пленительный комизм происходящего. Появляясь в новом для себя амплуа трагиста, она ухитряется наполнить роль мощным и свежим лирическим дыханием. Безудержно отдаваясь мгновениям веселости, минутному озорству импровизаций, балерина умеет напомнить зрителю о теневых сторонах существования в жестоком мире разобщенности, неравенства, равнодушия к страданиям ближнего. Этот ненавязчивый, но ясно угадываемый психологический подтекст роли Максимова выявляет с удивительной последовательностью и той особенной грацией, что всегда отличает ее актерскую натуру.

Да, ей даровано редкое умение оставаться грациозной в любой ситуации, в любых предлагаемых обстоя-

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

тельствах. Даже когда она является спиной к зрителям, одетая в рабочий комбинезон, мы сразу узнаем Максимову... Мы предчувствуем — еще доля секунды, и данное «звено конвейера» откажется повиноваться механичности заученных «трудовых операций». Позволив себе роскошь размяться, героиня оказывается безработной. А судьяба уже готовит для нее превращение.

Волей случая «пойманная» воришкой (роль эту с истинным артистизмом и виртуозностью играет и танцует актер балета Малого оперного театра Гали Абайдулов), героиня переодевается в мужской костюм. Нелепости нового для себя одеяния актриса придает некое изящество. Героиня словно ищет новую пластику, новые поведенческие роли Максимова выявляет свой стиль», бросив мимолетный взгляд на афишу — рекламу с фотографией Чарли Чаплина. Забавно развернутые ступни, потешная син-

копированность движений, лихо сдвинутый над вихрями русого парика котелок — «парафраз Чаплина» готов. Преображение проводится с безукоризненным чувством меры. Нигде не переигрывая, не стремясь к внешнему подобию, Максимова дает лишь пластический намек на сходство, чтобы далее раскрыть родство духовное — рассказав об одиночестве, боли, обреченности маленького человека.

За щегольским мундирчиком новоиспеченного слуги, за кокетливой голубой кепочкой скрыта тоненькая, стройная, нежная девочка. За безудержным задором, мальчишескими шалостями скрыта глубокая печаль безотчетного чувства. В чередовании контрастов, в нежданном смешении и переплетении комизма с лирикой состоит прелесть созданного Максимовой образа.

Героиня Максимовой мгновенно вживается в роль кавалера. Достаточно взглянуть, с какой балетной га-

лантностью рассыпает она знаки внимания служанке, с каким пародийным владением законами дуэтного танца наполняет уморительно-смешные поддержки «адажио» в форме танго». Достаточно увидеть как, проникнув на великосветский бал, Петер издевается над Дивой, превратив самое обыкновенное танго в «дуэт отмищения». Ревность, обида, досада, ненависть — в душе маленького вихростого существа теснятся взрослые, горькие чувства; печаль становится невыносимой, ищет выхода и находит разрядку в безумных шалостях, рискованных проделках, фантастических надеждах.

Надежды героини поистине фантастичны, бесперспективны и в своей неосуществимости особенно увлекательны.

В ее воображении краткие адажио становятся лирическими страницами любви, прочитанными Максимовой с поэзией, трепетной и живой. Медлительная, почти торжественная речь настоящей, классической прима-балерины. Одухотворенное, счастливое лицо Женщины. А потом с заоблачных высот гре-

зы — к безжалостной прозе действительности. Максимова играет этот переход с силой подлинно драматической.

Реальность не дарит ее героине ни малейшей надежды. Она протягивает руку к Мечте, а в ладони оказывается... монета в уплату за услуги. Она взыскует людского сочувствия, но вечно остается обманутой в своих поисках.

Режиссер и хореограф строят весь фон — с групповыми танцевальными композициями — тоже на резкой «светотени», на резком противопоставлении героини и ее окружения. Если кто и посочувствует, то лишь случайный знакомый... воришка, честно и благородно возвратив разоблаченному, оклеветанному и изгнанному Петеру похищенное платье и зонтик.

«Галатея» была повестью о воплощенной в жизнь мечте. «Старое танго» рассказывает об иллюзиях разрушенных и порывах тщетных. Режиссура, пластика, танец, изобретательные и остроумные декорации Л. Лукиной, операторское мастерство — все усилия направлены к тому, чтобы рассказ получился ярким, трогательным и красивым.

— Я счастлива, что получила две новые роли — в «Галатее» и «Старом танго», — сказала Екатерина Максимова со сцены Дома актера после общепубличного просмотра фильма.